

Скорая *Помощь*

Каролайн Андерсон

ОСТАНЬСЯ
НАВСЕГДА

HARLEQUIN®

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

Скорая помощь – Harlequin

Кэролайн Андерсон

Останься навсегда

«Центрполиграф»

2003

Андерсон К.

Останься навсегда / К. Андерсон — «Центрполиграф»,
2003 — (Скорая помощь – Harlequin)

Оливер не мог поверить своим глазам, когда, приехав на медицинскую конференцию и поднявшись в номер отеля, увидел там свою бывшую жену, причем практически обнаженную. Желание, страсть, обида вспыхнули в его душе с новой силой. Пять лет прошло с тех пор, как они расстались, а Оливер все никак не может понять, что же с ними случилось. Когда-то они жили вместе и были счастливы друг с другом, но внезапно Кейт покинула его, оставив лишь записку, которая ничего не объясняла. Теперь, когда Оливер снова встретил любимую и понял, что его чувства не остыли, он решительно настроен выяснить, что она от него скрывает. К тому же и Кейт к нему явно равнодушна.

© Андерсон К., 2003

© Центрполиграф, 2003

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Кэролайн Андерсон

Останься навсегда

Глава 1

– Какого черта вы здесь делаете?!

Оливер замер, не в силах пошевелиться. Это просто невозможно. Она лишь мерещится ему, потому что недавно он вспоминал о ней. Кейт? Его Кейт?.. Любовь всей его несчастной жизни, его вторая половинка, та самая, что делала его целым?

Он едва успел заметить, что номер уже был кем-то занят, когда услышал, как открывается дверь ванной. Теперь же он медленно обернулся, чувствуя, как бешено сердце стучит в ребра, и с трудом растянул губы в улыбке. Улыбка получилась совершенно неестественной, он и сам это чувствовал; но его сердце все еще пыталось выпрыгнуть из груди, а ноги окончательно предали его, так что ему пришлось прислониться к стене, чтобы не упасть.

Все еще держа в негнущихся пальцах ключ, он наконец позволил себе взглянуть на нее, и сразу же его взгляд начал бездумно скользить по ее телу.

Она только что вышла из душа. Крупные капли поблескивали на ее обнаженных плечах; вода сбегала с мокрых волос, потемневших от воды, и, миновав шею, скрывалась в складках полотенца.

Оно едва скрывало ее наготу, и она резким движением дернула его вверх, чтобы прикрыть грудь, при этом открыв взгляду восхитительные, бесконечно длинные ноги...

– Я тоже рад тебя видеть, – сказал он слегка охрипшим голосом.

– Оливер? – Кейт сглотнула, и еще одна капля, скатившись вниз по ее нежной бледной коже, замерла во впадине над ключицей.

Ему до боли захотелось собрать языком эту влагу с ее кожи и попробовать на вкус – какая она?

– Оливер? – повторила она, и он с трудом вновь поднял взгляд на ее лицо.

– Здравствуй, Кейт, – сказал он мягко. – Как поживаешь?

– У меня все прекрасно. По крайней мере, было прекрасно пять минут назад, – ответила она. – Что ты делаешь в моем номере и как сюда попал?

Он поднял ключ и помахал им перед ее носом. Она нахмурилась:

– У тебя есть ключ?

– Да. И не надо хмуриться. – Он разгладил кончиком пальца складку на ее лбу. – А то появятся морщинки.

Кейт бросила на него сердитый взгляд, отступая назад и крепче прижимая полотенце к груди, и он, снова бросив мимолетный взгляд на ее ноги, с трудом подавил стон.

– И кого же ты подкупил? – спросила она подозрительно, по-прежнему сердито глядя на него.

– Подкупил?..

– Чтобы достать ключ. Ты же не мог получить его просто так.

Он поднял одну бровь:

– И тебе не стыдно так разговаривать со своим вновь обретенным мужем?

– Бывшим мужем, – поправила она, но Оливер отрицательно покачал головой:

– Нет. Не думаю, чтобы тебе удалось развестись со мной в мое отсутствие, да и у меня бы не получилось этого сделать, не имея возможности связаться с тобой.

Кейт отвела взгляд:

– Так кто это был? Горничная? Или швейцар? А может, то прелестное создание за стойкой регистрации?..

Оливер рассмеялся:

– Я никого не подкупал, мне просто дали не тот ключ. Они зарегистрировали нас обоих, а потом, видимо, просто перепутали номера. Ты ведь приехала сюда на конференцию, верно?

Кейт кивнула, и новый ручеек заструился по ее шее, и он вновь едва сдержал стон.

– Уверен, что всему этому есть простое объяснение, – сказал Оливер, заставляя себя отвести взгляд от ее груди и садясь на краешек кровати, чтобы не упасть. – Почему бы тебе не позвонить на ресепшен?

– Да, именно это я и сделаю, раз ты не собираешься уходить. Может быть, они пришлют кого-нибудь, чтобы выставить тебя отсюда, – бросила она, отворачиваясь. Телефон лежал на другой стороне кровати, и она, опустившись на колени, потянулась за ним.

Это было ошибкой. Матрас прогнулся, и полотенце, придавленное к кровати ее коленом, выскользнуло из ее рук. Она судорожно дернулась, чтобы подхватить его, но было слишком поздно.

Он увидел ее. Увидел мягкую полноту ее груди, соблазнительный изгиб ее талии, плавную линию ее бедра – и словно ток пронзил его тело.

– Кэти...

Их глаза встретились; затем ее веки опустились, и она выдохнула:

– Оливер, не надо. Я не хочу этого.

– Не хочешь чего? – спросил он, скользя взглядом по ее плечам, изучая нежную бледную кожу, которая – он знал это – на ощупь похожа на легкий шелк. Он протянул руку и дотронулся до ее шеи, чувствуя, как бешено бьется под его пальцами пульс. – Этого? – Оливер легко провел рукой по ее щеке, подбородку и большим пальцем коснулся губ.

Он чувствовал ее горячее дыхание, дрожь ее тела. Его рука скользнула от ее плеча к локтю, потом снова двинулась вверх и снова вниз, туда, где ее пальцы все еще судорожно сжимали край полотенца. Мягко отведя его в сторону, он нежно провел кончиками пальцев по ее упругой груди.

– Или этого?

Ее грудь тяжело вздымалась, дыхание стало поверхностным и прерывистым, адреналин переполнял их обоих. Его рука опустилась еще ниже, и его ладонь накрыла ее грудь.

– Или этого? – шепнул он снова.

– Нет...

Его рука двинулась дальше, по изгибу ее бедра, обхватила ягодицу и снова, минуя полотенце, вернулась на бедро. Он ощутил мурашки под пальцами – от холода или от его прикосновений? Не важно.

Оливер вновь провел рукой по ее коже; Кейт резко выдохнула и дернулась прочь, крепче прижимая полотенце к груди.

– Оливер, не надо. Я не хочу.

– Врунишка, – нежно отозвался он.

– Нет! – крикнула Кейт, умоляюще глядя на него. – Нет. – На этот раз это прозвучало уже мягче, но ее глаза просили совсем о другом, и он не мог противиться этому зову. – Пожалуйста, просто уходи...

Но он не мог. Оливер мечтал о ней пять долгих лет, и вот теперь она здесь, совсем рядом, полностью обнаженная, если не считать этого нелепого полотенца, которое она все еще держала в руке, и ее лучистые серые глаза смотрели прямо на него, и он не мог найти в себе силы просто встать и уйти.

– Нет, – резко сказал Оливер, вставая.

Он скинул куртку, содрал галстук с шеи, махнул рукой на пуговицы и просто с силой дернул полы рубашки в разные стороны. А потом схватил ее и прижал к себе.

– Оливер, нет, – простила она, но ее губы сами потянулись к его губам, говоря «да», и вновь словно жидкий огонь потек по его жилам.

Он скинул ботинки, сдернул брюки вместе с бельем и обнял ее еще крепче.

Боже, как же она прекрасна. Ее кожа была прохладной и влажной после душа, и он мягко высвободил полотенце из ее пальцев, снимая капли воды с ее тела, сменяя полотенце губами, целуя каждый сантиметр этой бледной, светящейся кожи и чувствуя, как она загорается от его поцелуев.

Ее соски напряглись, и он осторожно прикоснулся губами сначала к одному, затем к другому, целуя и нежно потягивая, и она судорожно прижала к себе его голову, выдыхая его имя.

– Оливер, пожалуйста... – сбивчиво шептала она. «Пожалуйста, что? Пожалуйста, останись? Пожалуйста, не останавливайся?..»

Он поднял голову и взглянул на нее сверху вниз, чувствуя, как перехватывает дыхание.

Ее губы опухли и покраснели от его поцелуев, глаза горели сумасшедшей страстью, руки беспорядочно блуждали по его телу.

Разве мог он противиться ей?..

Кейт просто не могла в это поверить. Хотя тело все еще горело от его поцелуев, но сердце болело сильнее.

Наверное, она сошла с ума. Она должна была выпроводить его отсюда сразу же, как только увидела! Ну почему она не сделала этого?

«Я просто растерялась», – сказала она себе. Растерялась оттого, что увидела его снова после стольких лет разлуки вот так, совершенно неожиданно. И это его напускное безразличие... Она видела, как бился пульс на его шее, видела желание в его глазах, – и она сама хотела его так сильно, как никогда. Теперь она получила то, чего хотела. Что дальше?

Она сглотнула слезы. Какой же надо было быть душой, чтобы позволить ему прикоснуться к себе! Нужно было вышвырнуть его немедленно!

– Кэти...

– Не называй меня так. Меня никто так не называет.

– Да. Кроме меня.

– Но с тобой я не разговариваю, поэтому это мне безразлично, – сказала она, с силой надев маску безразличия, чтобы не дать сердцу разбиться на миллион стеклянных осколков.

– В этом нет моей вины, – сказал Оливер, и теперь его голос звучал намного жестче. – Что произошло, Кейт? Сначала мы женимся и живем вместе, а потом ты вдруг сбегаешь без каких-либо объяснений, оставив мне только записку, которая ничего мне не объяснила, и у меня даже не было никакой возможности связаться с тобой. Ты ушла с работы, съехала с квартиры, твоя мать отказалась сообщить мне, где ты, – да ради всего святого, что я сделал не так?! Мы же любили друг друга, или это только я любил тебя?.. Черт возьми, я до сих пор люблю тебя, Кейт. Но я понятия не имею, почему ты бросила меня.

Она спустила ноги с кровати, подняла полотенце и безуспешно попыталась завернуться в него.

– Ты не сделал ничего плохого. Я просто разлюбила тебя, – солгала она. – Мы выросли и изменились, только и всего.

– И ты не могла сказать мне все это в глаза?

– Я говорила тебе об этом каждый раз, когда мы ссорились. Это не должно было стать для тебя неожиданностью.

Он горько рассмеялся:

– И тем не менее это стало для меня неожиданностью.

Она протянула дрожащую руку к телефону:

– Я позвоню на ресепшен. Думаю, тебе стоит одеться. – Она старалась не смотреть на его стройное тело с напряженными мускулами, на темные волосы, прикосновение которых все еще ощущала ее кожа.

– Стол регистрации, слушаю вас.

Она чувствовала, как пылают щеки.

– Это доктор Кроуфорд, номер сорок три. Доктор Кэтрин Кроуфорд. Похоже, произошла ошибка: вы дали второй ключ от моего номера доктору Оливеру Кроуфорду.

– Подождите минутку, пожалуйста, – произнес равнодушный голос, и в трубке зазвучала музыка.

Она убрала трубку подальше от уха, но это было ошибкой. В наступившей тишине она услышала, как позади нее Оливер тяжело вздохнул и начал подниматься, отчего кровать слегка прогнулась. Потом она услышала, как он расстегнул чемодан, как копался в нем, как одевался...

– Алло. Доктор Кроуфорд, мне очень жаль, похоже, что произошла ошибка. У нас в гостинице действительно зарегистрирован еще один доктор Кроуфорд, но он проживает в номере сорок четыре. Мы сейчас пришлем кого-нибудь с ключом для него. Приношу вам свои извинения.

Прежде чем она успела возразить, в телефонной трубке снова стало тихо, и с легким щелчком трубка вернулась на место. Кейт посмотрела на свою руку, по-прежнему сжимавшую полотенце в глупой и смешной попытке сохранить благопристойность.

Слишком поздно для таких попыток. Вообще слишком поздно.

Нет. Даже не думай об этом.

– Кэти?

Голос Оливера прозвучал мягко и хриловато, и она непременно сдастся под напором этого голоса, если позволит себе слушать его дальше.

– Оливер, нет. Нам не нужно... – начала она, но он прервал ее:

– Я не собирался ничего предлагать. Я только хотел сказать, что... мы не подумали о контрацепции.

Боль пронзила ее, мешая дышать, и несколько секунд она молчала, пытаясь сделать вдох.

– Ничего страшного, – ответила она наконец, когда смогла говорить, и быстро прибавила: – Я принимаю таблетки.

Оливер не ответил. Казалось, он пытается прочесть ее мысли и понять, лжет она или ему только показалось.

Конечно, Кейт лгала. Но ему было совершенно не нужно знать об этом, и она готова была отрицать все до конца своих дней. И если в ближайшую минуту у нее не получится справиться с дыханием и вдохнуть хоть немного воздуха, то этот конец не заставит себя долго ждать...

В дверь постучали, и это спасло их обоих от дальнейшего выяснения отношений. Оливер быстро подошел к двери и открыл ее – ровно настолько, чтобы можно было принять ключ вместе с извинениями портье.

– Ничего страшного. Все в порядке, – сказал он с привычной улыбкой в голосе, и она поразилась тому, как легко у него получалось лгать.

Оливер подошел к ней, подбрасывая ключ на ладони и по-прежнему улыбаясь. Но улыбка не затронула его глаз.

– Ну вот мы и разобрались, где чей, – сказал он, опуская ключ в карман.

– Я тебя не задерживаю, – отозвалась Кейт, и он тяжело вздохнул:

– Нам нужно поговорить.

– Нам не о чем...

Его резкий смех прервал ее.

– Не о чем говорить? Мы случайно сталкиваемся спустя пять лет с тех пор, как ты исчезла, занимаемся любовью, забыв обо всем на свете, и после всего этого нам не о чем говорить?! Ты с ума сошла?

– Пять лет назад ты именно так и думал.

Что-то промелькнуло в его глазах – что-то, что можно было принять за сожаление.

– Нет. Я всего лишь сказал, что ты ведешь себя странно. А неделю спустя ты ушла от меня.

– И что тебя удивляет? Я уже сказала тебе, что между нами все кончено, и это по-прежнему так!

– Да, судя по всему. И минуту назад между нами тоже абсолютно ничего не было, – заметил он в тон ей, и она отвернулась, не в силах больше выносить этот пронзительный взгляд серых глаз. Его взгляд был ищущим, и обычно он находил то, что искал. Она не должна была смотреть ему в глаза, если хотела сохранить твердость и хоть частицу рассудка.

Если хотела отпустить его снова.

– Оливер, пожалуйста...

Он подошел ближе.

– Когда ты говорила это в последний раз, ты умоляла меня заняться с тобой любовью, – шепнул он.

– Мечтать не вредно, – отрезала Кейт, поднимаясь и подталкивая его к двери. – Нам обоим придется присутствовать на этой конференции, и я уверена, что мы сможем вести себя друг с другом как цивилизованные люди. А теперь иди, пожалуйста, мне еще нужно одеться к ужину. Я умираю от голода и не собираюсь из-за тебя пропустить ужин.

Оливер тихо вздохнул и застегнул молнию на чемодане.

– Увидимся внизу, – сказал он, и это было похоже на обещание.

Секунду спустя дверь за ним захлопнулась, и она осталась одна.

Ноги не держали, и Кейт обессиленно опустилась прямо на пол.

Впереди было целых два бесконечных дня, и все это время Оливер будет в соседнем номере, полный решимости поговорить с ней. Если бы она только знала, что так получится, она бы поехала на другую конференцию по какой-нибудь другой проблеме...

«Тогда ты бы не увидела его снова, не занялась бы любовью с ним, – шепнул ей внутренний голос. – Ты бы не ощутила тепла его рук, губ, приятной тяжести его тела...»

– Замолчи! – выкрикнула она, закрывая уши, но голос продолжал звучать внутри нее, и она не могла заставить его замолчать.

Мгновенно вернулись все воспоминания о той любви, которая, как она думала раньше, никогда не умрет и которую ей самой пришлось убить – ради того, чтобы вернуть ему его свободу.

И вот теперь он вернулся в ее жизнь. Пусть ненадолго, но она твердо знала: если она оступится хоть раз, то вся боль, которую она испытывала все эти годы, окажется напрасной и раны вновь откроются – у них обоих.

Кейт глубоко вдохнула раз, затем другой. Она примет душ, чтобы смыть с себя его прикосновения, затем спустится на ужин, вежливо побеседует с ним о его делах и вообще будет вести себя как его друг.

«Лгунья! Ты просто хочешь узнать, есть ли у него другая женщина, счастлив ли он. Есть ли у него дети...»

Нет. Он бы никогда так не поступил. Не попросив развода, жениться на другой женщине... Это было совсем не в его духе.

Но она могла спросить его об этом...

Кейт выглядела потрясающе. Вне всяких сомнений, она была самой красивой женщиной из всех, кто был в комнате, – и Оливер не был единственным мужчиной, который это заметил. Ее длинные светлые волосы были собраны в тугий пучок, скрепленный деревянными палочками, а одета она была в классическое маленькое черное платье.

Кейт выглядела спокойной, элегантной и самодостаточной, и на секунду он засомневался. Может, у нее получилось забыть его и просто жить дальше? Она солгала ему про противозачаточные таблетки или у нее действительно появился любовник?..

Эта мысль словно ножом прошла по груди. Оливер глубоко вздохнул и приказал себе не выдумывать ерунды. Кейт никогда бы так не поступила – не стала бы спать с ним, если бы в ее жизни был другой мужчина.

Или поступила бы? Он не знал. Когда-то он был абсолютно уверен, что знает ее лучше, чем она сама, но потом... Все так быстро и неожиданно закончилось, что Оливер понял – он вообще никогда не знал ее.

В этот момент Кейт заметила его, с безошибочной точностью узнав его по этим странным бледно-серым глазам, и без тени сомнения пересекла комнату, направляясь к группе людей, приехавших на конференцию. Ее «извините», произнесенное с мягкой улыбкой, врезалось в галдящую толпу делегатов, как горячий нож в масло.

Головы поворачивались ей вслед, и, когда Кейт приблизилась к нему, он почувствовал внезапное и очень сильное желание наклониться и собственнически поцеловать ее в губы.

«Ну да, а потом начать бить себя в грудь и утащить ее в свой шалаш», – подумал Оливер с отвращением и усилием воли заставил себя держаться в рамках приличия, но не смог удержаться от того, чтобы положить руку на ее талию, когда они вместе направились сквозь толпу в более тихое место.

Он подхватил два бокала с вином с подноса проходящего мимо официанта и, подведя ее к небольшому диванчику возле дровяного камина, протянул ей бокал:

– Надеюсь, ты пьешь белое вино?

– Да. Спасибо. – Она почти бессознательно сделала маленький глоток, оставив едва заметный след от помады на тонком стекле – там, где ее губы коснулись его...

Черт. Ему нужно было немедленно перестать думать о ее губах. Но вместо этого он продолжал внимательно изучать ее лицо, пытаясь отыскать перемены, произошедшие с ней за пять лет. Но ему это не удалось. Если какие-то изменения и произошли, то они были весьма незначительны. Ее лицо было немного напряженнее, чем обычно, и ему казалось, что она сильно устала, но это по-прежнему была его Кейт – женщина, которую он полюбил больше восьми лет назад.

Она поставила бокал и подняла взгляд, с вызовом взглянув ему в глаза. В выражении ее лица читались недоверие и настороженность, и ему показалось, что это он должен за что-то извиниться перед ней.

Они заговорили одновременно, затем улыбнулись друг другу, и лед между ними немного растаял.

– Ты первый, – сказала Кейт, и он начал снова:

– Насчет того, что произошло... – Оливер физически почувствовал, как она напряглась. Но она сама предложила ему говорить первым, и теперь ей придется выслушать его до конца. – Когда ты вышла из душа, я находился в твоём номере ровно столько, сколько было нужно, чтобы понять, что он уже занят. Я клянусь тебе, что понятия не имел о том, что это твой номер, пока не увидел тебя, и я уж точно не собирался... – Он запнулся, не зная, как описать то счастье, которое испытал, занимаясь любовью с ней.

Кейт отвела взгляд, и только мгновенно вспыхнувшие щеки выдали ее чувства.

– Все в порядке. Я тебе верю.

– Так ты простишь меня?..

Кейт молчала так долго, что его сердце замерло; но вот она расправила плечи и снова повернулась к нему, и глаза ее абсолютно ничего не выражали.

– Я намерена забыть о том, что сегодня произошло, – сказала она. – И советую тебе сделать то же самое.

Никогда. Никогда в жизни он не сможет забыть этого. Забыть, с какой страстью и неистовством она отдавалась ему, забыть ее исступленные стоны...

Оливер немного отодвинулся в сторону, стараясь не смотреть в эти лишенные выражения глаза. И когда она успела этому научиться? Раньше он мог видеть ее насквозь, читать все ее мысли. Теперь же, как бы он ни пытался, у него не получалось угадать, что скрывается за этой ледяной маской.

– Этого я тебе обещать не могу, – угрюмо бросил он. – Но если я пообещаю не упоминать об этом, этого будет достаточно? – Он попытался улыбнуться, но, несмотря на все его усилия, улыбка получилась неубедительной и безжизненной.

Кейт пожала плечами:

– Думаю, у меня нет выбора. Мы тут застряли на все выходные, так что нам ничего не остается, кроме как смириться с этим. – Она выпрямилась, вновь взяла свой бокал и послала ему еще одну натянутую улыбку. – Лучше расскажи мне о своих делах. Чем ты сейчас занимаешься?

Как ему удавалось быть таким спокойным и расслабленным? Он небрежно развалился на диване, положив одну руку на спинку и развернувшись к ней вполоборота. Бокал с вином, балансируя на пряжке его ремня, почти выскользывал из этих длинных изящных пальцев, так хорошо знакомых ей...

Нет. Она не будет думать об этом. Кейт заставила себя сосредоточиться на звуках его голоса и попыталась понять, о чем он говорит.

– ...нужен был партнер для практики, и я решил взяться за это дело. Я там уже три года, и все идет просто превосходно.

– Где? – спросила Кейт, про себя задаваясь вопросом, говорил ли он уже об этом. Судя по всему, так оно и было, потому что вместо того, чтобы назвать город, он просто ответил:

– Там же, где и всегда – помнишь, между похоронным бюро и цветочной лавкой. Мы еще часто шутили на тему его расположения.

Теперь она поняла, о чем шла речь. Она много раз видела эту старую клинику, когда они вместе навещали его родителей. Они даже заходили туда однажды, когда у кого-то из них заболело горло. А теперь он работает там – в Гиппингхэме, небольшом поселке, который он считает своим домом. Она должна была догадаться об этом; он же всегда мечтал «вернуться к корням», по его собственному выражению.

– Мне она запомнилась весьма странной и старомодной, – медленно произнесла она, все еще переваривая новую информацию, и он засмеялся:

– Так и есть. Она стала немного больше с тех пор, как ее возглавил Питер Эйбрахам, но она по-прежнему напоминает мне о тех временах, когда я был ребенком и родители отводили меня к врачу. Это там я впервые понял, что хочу быть доктором – нет, даже не просто доктором, а именно семейным врачом. Хотя тогда я и не подозревал, что существуют какие-то другие врачи, мне было всего семь или что-то около того.

Даже сейчас она могла в мельчайших деталях описать его детские фотографии, которые показывала ей его мать: длинные руки и ноги, беззубая детская улыбка... Тогда она подумала о том, как чудесно было бы иметь сына, похожего на него. Но она и представить себе не могла...

Нет.

Кейт отодвинулась как можно дальше в угол дивана и рассеянно отпила глоток вина, стараясь отогнать прочь непрошенные мысли.

– Значит, ты вернулся домой, как и хотел. Думаю, твои родители довольны?

Лицо Оливера потемнело, и он опустил глаза:

– Мама – да. Отца нет уже два года. У него случился сердечный приступ, когда он доил корову. Когда он не пришел на завтрак, мама пошла искать его. Она сразу же позвонила мне, но, когда я добрался до них, было уже поздно. Видимо, он умер мгновенно.

Не думая ни секунды, она подалась к нему и положила руку на его колено:

– Оливер, мне так жаль... Это так ужасно.

Он взглянул на нее, через силу растягивая губы в улыбке, взял ее руку в свою и нежно сжал:

– Поначалу казалось невозможным осознать то, что случилось. Но когда после вскрытия выяснилось, что на одном из его легких была опухоль, я подумал, что ему даже повезло. Если бы он остался в живых, то было бы только хуже. – Оливер погладил ее руку и выпрямился. – Давай поговорим о тебе, – предложил он мягко. – Насколько я помню, ты собиралась заняться педиатрией и не сильно интересовалась общеврачебной практикой, так?

Кейт пожала плечами и подалась назад, высвобождая руку из его пальцев, чтобы не дать себе привыкнуть к этому такому знакомому теплу.

– Я передумала, – просто ответила она, опуская ненужные подробности того, насколько болезненно далось ей это решение.

– Я бы не смог работать педиатром, – заметил Оливер. – Смотреть на то, как умирают дети, слишком тяжело. Если бы у тебя получилось, это стало бы для меня неожиданностью.

Кейт хотела поправить его, но не стала. Слишком много пришлось бы объяснять.

– Я работала в Восточной Англии, в основном в Суффолке, но потом, когда заболела бабушка, пришлось переехать в Норфолк, чтобы ухаживать за ней. Когда временами ей становилось немного лучше и можно было оставить ее одну, я подрабатывала. В сентябре ее не стало... И я до сих пор не знаю, что мне делать дальше.

– Соболезную, – тихо сказал Оливер. – Я никогда не видел твою бабушку, но знаю, как сильно ты ее любила. Мне ужасно жаль, что тебе пришлось пройти через это. От чего она умерла?

– Просто от старости. Хотя голова у нее до самого конца оставалась светлой. Она была очень умна.

И она на чем свет стоит ругала Кейт, когда та ушла от Оливера.

– Глупая девчонка, ты должна была дать ему возможность самому решать, что для него важнее! – повторяла она снова и снова, и в конце концов Кейт задумалась: может, если она когда-нибудь встретит его снова, то, может быть, стоит попытаться...

Нет, это просто глупо. Как бы бабушка ни любила ее, в этот раз она ошиблась. Она никогда не видела его и не могла понять, как важна для него семья. А Кейт все это прекрасно понимала. Как бы там ни было, уже слишком поздно что-то менять, ведь у него наверняка кто-то есть.

– Ну а что сейчас происходит в твоей личной жизни? – немного насмешливо спросила она, с каким-то мазохистским удовольствием переводя разговор на ту тему, которая интересовала ее больше чем что-либо еще.

Что-то промелькнуло в его глазах, и Оливер тихо засмеялся, поставив бокал обратно на столик.

– И ты еще спрашиваешь меня об этом? После того, что между нами произошло? – спросил он голосом, слегка охрипшим – от волнения? Или желания?..

О господи. Она залпом допила вино и тоже поставила бокал.

– Кажется, мы договорились не обсуждать эту тему.

– Хорошо, давай не будем. Извини. – Оливер широко улыбнулся, глядя ей прямо в глаза, и в его взгляде не было ни капли раскаяния.

Кейт почувствовала, что еще немного – и она не выдержит этого взгляда.

От дальнейших разговоров ее спас организатор конференции, настойчиво требовавший внимания собравшихся.

– Добрый вечер, леди и джентльмены. Рад приветствовать вас в Эльденбурге! Надеюсь, что нас с вами ждут интересные и продуктивные выходные. Как вы все знаете, темой нашей конференции является женское здоровье в рамках общей медицины, и у нас имеется обширная программа по обсуждению этой темы. Сегодня, сразу же после ужина, мы начнем с краткого введения, сам же семинар состоится завтра. Таким образом, весь вечер будет в вашем распоряжении, и я желаю вам приятно провести время. А сейчас я рад сообщить вам, что ужин подан, поэтому приглашаю всех пройти в ресторан.

– Чудом спаслась, верно? – шепнул Оливер, и она покраснела.

Ее надежда на то, что ему хватит такта не развивать эту тему, не оправдалась. Конечно, можно было попросить его об этом, но вряд ли он так легко согласится.

– Думаю, нам стоит побеседовать с участниками конференции и расспросить их об их взглядах на проблему, – заметила она, поднимаясь, но Оливер не собирался так быстро отступать.

– Ты можешь побеседовать и со мной. Известно ли тебе, к примеру, мое мнение о процедуре обследования груди? Или о безусловной важности контрацепции? Или, может быть, о гормонозаместительной терапии в период менопаузы? И потом, посмотри на это с положительной стороны – если я буду чересчур занудлив, ты всегда сможешь сказать, чтобы я заткнулся.

Чтобы Оливер был занудлив? Да никогда в жизни.

– Прекрасная мысль, – беспечно произнесла она, подняв с дивана свою сумку. – Надо будет запомнить.

– Не сомневаюсь, что ты это запомнишь, – шепнул он, подходя к ней вплотную. Слишком близко.

Она ужаснулась тому, что сейчас полностью находится в его власти. Во власти тепла его тела, во власти едва ощутимого запаха его одеколона – запаха цитруса с легким оттенком мускуса. Когда они просто сидели рядом, этот запах не достигал ее обоняния, но сейчас, когда они были так близко, он окутал ее со всех сторон мягким облаком, вновь возвращая к жизни все те воспоминания. Воспоминания, от которых она не могла избавиться. Как они танцевали вместе, как их тела сливались друг с другом каждой клеточкой, как после они возвращались домой и продолжали начатое ранее...

– О чем ты думаешь?

– Ни о чем, – легко ответила она.

Кейт отогнала ненужные мысли в самый дальний угол сознания и направилась к столу. Она не хотела быть рядом с ним, не хотела всех этих постоянных напоминаний о том, что никогда не повторится. Наполнив свою тарелку, она обернулась и снова встретила ищущий взгляд серых глаз.

– Почему бы нам не отдохнуть друг от друга? – предложила она.

Секунду Оливер молчал, затем положил на свою тарелку немного пасты, опустил ложку обратно на блюдо и пожал плечами:

– Как скажешь.

И, развернувшись на пятках, он пошел прочь, исчезнув в толпе делегатов, как она и предлагала, с удивительной непринужденностью.

Внезапно она осталась одна и на мгновение совершенно растерялась. Какая же она дура. Это были всего лишь одни выходные, может, единственные в ее жизни, когда она еще может побыть рядом с ним. Зачем так бездумно упускать эту возможность?

– Здравствуйте. Меня зовут Грэхем.

Кейт обнаружила, что кто-то протягивает ей руку для пожатия, но у нее самой в одной руке была тарелка, а в другой бокал, поэтому она просто пожала плечами и улыбнулась, словно извиняясь:

– Простите, руки заняты. Меня зовут Кейт.

– Он ваш друг?

Ее взгляд сам собой устремился к Оливеру. Друг?

Когда-то он был ее лучшим другом. Был ее любовником – да, всего несколько часов назад. Был ее мужем, но больше им не является и, к ее огромному сожалению, никогда снова им не станет. Но ничего из этого она не собиралась обсуждать с совершенно незнакомым человеком.

– Был им когда-то.

Видимо, горечь и сожаление все же прозвучали в ее голосе, потому что Грэхем вздрогнул:

– О, как грустно вы это сказали.

– Так оно и есть. Но я бы не хотела это обсуждать. А что насчет вас? Не хотите обсудить какие-нибудь неприятные моменты вашей жизни?

Он снова вздрогнул и послал ей извиняющуюся улыбку:

– Туше. Простите. Возможно, я перехожу границы дозволенного, но в какой-то момент мне показалось, что вы немного растеряны, и мне захотелось подойти к вам.

Она впервые внимательно посмотрела на него – и увидела в его глазах живое участие, понимание и... боль. На его безымянном пальце она заметила обручальное кольцо, и на первый взгляд казалось, что у него все в порядке.

– Простите, – сказала она, смягчаясь. – Это мой бывший муж. Я не ожидала увидеть его здесь.

– Я догадывался о чем-то подобном. Я наблюдал за вами, и мне показалось, что вам не очень приятно с ним разговаривать. Я даже подумал, он к вам пристаёт.

Кейт покачала головой:

– Нет, просто он... здесь, понимаете?

Глаза Грэхема потемнели.

– На вашем месте я бы радовался этому. Свою жену я уже никогда не увижу. Я потерял ее два года назад – умерла от рака. Черт возьми, я не собирался об этом говорить...

Когда он замолчал, глаза его блеснули, и у Кейт защемило сердце от жалости. Он был хорошим человеком и, наверное, отличным врачом... И таким одиноким.

– Тогда давайте не будем говорить об этом. Давайте поговорим о конференции. Что вы думаете о необходимости контрацепции?

Секунду он смотрел на нее ничего не выражающим взглядом, затем улыбнулся:

– Даже и не знаю, что об этом думать.

Она ослепительно улыбнулась ему:

– Тогда почему бы нам не поискать место поудобнее, пока я не умерла от голода, стоя здесь с полной тарелкой еды, и не обменяться мнениями на эту тему?

– Отличная идея, – ответил он и направился к свободному столику.

Она последовала за ним, но не смогла удержаться от того, чтобы слегка обернуться в поисках темноволосой головы и пронизывающих серых глаз, которые – она была уверена в этом – неотрывно следили за ней.

Они чертовски мило смотрелись вместе.

Оливер понятия не имел, кто этот мужчина рядом с ней, но он смеялся вместе с Кейт, наклонялся к ней, ловил каждое ее слово, и Оливер был близок к тому, чтобы придушить его голыми руками.

Идиот. Все это не имеет к нему ни малейшего отношения. Она больше не принадлежит ему.

Хотя всего несколько часов назад...

Интересно, она будет с этим мужчиной сегодня?

Боль пронзила его неожиданно, мешая дышать. Он торопливо извинился и направился к двери. Выйдя в сад, он полной грудью вдохнул свежий морской воздух и твердо сказал себе, что, с кем бы она ни спала, это не его дело.

Несмотря на то, что всего несколько часов назад они занимались любовью...

Скорее всего, у нее все-таки есть любовник. Может, именно поэтому она принимала таблетки. А может, так она просто чувствовала себя более свободной.

«Какой же ты идиот. Ты вообще не должен был прикасаться к ней», – пробормотал он, прислоняясь горячим лбом к столбу и вглядываясь в темноту сада. Если бы он остался в той комнате, то, наблюдая, как они весело смеются вместе, он просто сошел бы с ума.

Он не мог вернуться туда. Лучше он поднимется наверх и ляжет в кровать – через стенку от нее, и услышит, как она войдет в свой номер, услышит их голоса, их смех; услышит, как они будут заниматься любовью...

Если, конечно, она не придет в его номер.

Оливер быстрым шагом направился обратно к гостинице. Войдя внутрь, он сразу увидел того мужчину, увлеченно беседующего с окружившими его людьми о каком-то известном враче.

Кейт бесследно исчезла.

Нащупывая в кармане ключ, он раздумывал, стоит ли ему еще немного побыть здесь, но ему было неуютно и тревожно и хотелось остаться одному.

Вранье. Ему хотелось быть с Кейт, но это было невозможно. Она порвала с ним пять лет назад, и нужно было быть полным идиотом, чтобы надеяться на то, что те времена могут вернуться вновь.

Встреча делегатов подошла к концу, и больше не было смысла оставаться здесь и мучить себя. Он поднялся наверх, в нерешительности постоял перед дверью ее номера, но затем вернулся и вошел в свой.

Несколько секунд спустя в дверь постучали, и он осторожно приоткрыл ее. Перед ним стояла Кейт, робко глядя на него.

– Привет, – пробормотал он и замолчал.

На какое-то мгновение ему показалось, что она сейчас убежит прочь, но затем она выпрямилась и сжала губы.

– Я просто подумала, что, может, ты хочешь кофе... Я только что поставила чайник.

Кофе был последним, о чем он думал в тот момент, но если так можно провести хоть чуть-чуть времени вместе с ней...

– Это было бы здорово, – сказала она, и он, не обращая внимания на надоедливый внутренний голос, твердивший ему, что он полный идиот, взял ключ, выключил свет и направился следом за ней.

Глава 2

Наверное, она сошла с ума. Зачем, зачем она пригласила его выпить кофе? Кейт понятия не имела, о чем будет с ним говорить, но, пообщавшись с Грэхемом и услышав боль в его голосе, когда он говорил о своей жене, она поняла, что просто не сможет позволить себе провести эти выходные без Оливера.

Что, если это ее последний шанс побыть с ним вдвоем? Даже если сейчас у него и не было другой женщины – что, кстати, до сих пор оставалось невыясненным, – это вовсе не означало, что у него ее не будет. Поэтому, пожалуй, стоило провести эти выходные вместе, чтобы потом, когда они закончатся, просто разъехаться, не попрощавшись.

Кейт вошла в свой номер вместе с ним, улыбнулась и приглашающе указала на стул у окна:

- Садись. Кофе скоро будет готов, в этих маленьких чайниках вода быстро закипает.
- Я не хочу кофе.

Она открыла было рот, чтобы что-нибудь сказать, но наткнулась на его взгляд, и все слова мгновенно вылетели у нее из головы.

Оливер стоял совсем рядом с ней, всего в нескольких дюймах, и, когда их глаза встретились, он поднял руку и вытащил деревянные палочки из ее прически. Ее волосы рассыпались по плечам, и он зарылся в них рукой, пропуская через пальцы, отводя их с ее лица подушечкой большого пальца.

«Сейчас он поцелует меня». Кейт знала это так же точно, как то, что с утра на небе появится солнце, и она не в силах помешать этому. Она наклонила голову, все еще глядя ему в глаза, а потом ее ресницы опустились, и он накрыл ее губы в долгом, нежном поцелуе.

Она закрыла глаза, прижимаясь к нему с легким стоном желания и нетерпения, и его руки сомкнулись на ее талии, притягивая ближе, привлекая ее к груди. Кейт слышала, как неистово бьется его сердце. Или это ее собственное?

Наверное, это был стук двух сердец. Это не имело значения. Вообще ничего не имело значения, кроме того, что она снова была в его руках.

Но она не должна была этого делать. Она уперлась руками в его грудь, едва заметно отталкивая от себя, и он отодвинулся ровно настолько, чтобы посмотреть ей в глаза:

- Что не так?
- Это. Все это. Я не за этим тебя сюда звала.

Оливер взглянул в глубину ее глаз и с тихим вздохом выпустил ее из своих объятий.

- Зачем же тогда?

Кейт пожала плечами и отвернулась, отходя в сторону:

- Я хотела поговорить с тобой о том, что мы можем стать друзьями. Странно звучит, да?

Оливер рассмеялся:

- Друзьями? Да уж, очень странно. Логичнее было бы поговорить о нашем разводе.

– Разводе?.. – Ей показалось, или ее голос действительно прозвучал растерянно? Она и в мыслях не держала ничего подобного, в отличие от Оливера. – Ты действительно хочешь развестись? – Да, ее голосу определенно не хватало твердости.

– Не думаю, что речь здесь должна идти обо мне. Это не я ни с того ни с сего решил бросить тебя и просто взять уйти, безо всякого предупреждения...

- Без предупреждения?! Мы ругались каждый день, ты мог бы и догадаться!

– У нас был непростой период. Мы оба работали день и ночь и виделись, по сути, только по выходным, это было ужасно. Естественно, я ни о чем не догадывался. Нам просто нужно было переждать это время, но ты и не собиралась давать нам второй шанс и даже не соизволила поговорить со мной об этом.

Кейт сглотнула, лихорадочно соображая, подберется ли он к правде еще ближе, чем он был сейчас.

– Мы никогда и ни в чем не уступали друг другу, – осторожно заметила она. – Тебе нужно было то, чего я не могла тебе дать, поэтому мы и ссорились каждый день.

– Я помню. А еще помню, как мы мирились.

Его голос звучал низко и хрипло, и она задрожала. Примирения всегда были лучшей частью их размолвок, но даже они не могли помочь им справиться с самой главной проблемой – той, что в конце концов положила конец их отношениям. Они только больше усугубляли дело.

– Не важно. Как бы там ни было, я просто хотела убедиться, что с тобой все в порядке, – сказала Кейт, не собираясь снова позволить ему загнать себя в угол.

Оливер неприятно рассмеялся:

– А тебе не все равно? Если я не ошибаюсь, раньше тебе не было до меня никакого дела. Ты так хотела отделаться от моего общества и побыть в относительном одиночестве... Но я что-то не заметил, чтобы ты долго пробыла одна – ты очень быстро нашла себе очаровательного собеседника.

В его голосе сквозила горечь. Или ревность. Это было так непривычно... Он никогда не был собственником и всегда доверял ей, но она сама предала его доверие, разрушила его веру в нее, и хотя все это и так было очевидно, она просто поразилась тому, насколько больно было это признать.

– Грэхем очень мил, – сказала она, и губы Оливера растянулись в насмешливой ухмылке.

– О да, я не сомневаюсь, что вы провели вместе очень милый вечер. А теперь, с твоего позволения, я действительно очень устал и не имею особого желания наблюдать за тем, как вы проведете вместе еще и милую ночь. Увидимся за завтраком. Если, конечно, ты все еще не будешь занята своим милым другом Грэхемом.

От изумления Кейт с минуту не могла произнести ни слова.

– На что ты намекаешь?

– Ну ты же умная женщина. Догадайся сама.

– Да как ты смеешь!

– А что? Раз ты переспала со мной...

– Это была самой ужасной ошибкой в моей жизни! И это никогда больше не повторится!

– Отлично! По крайней мере, теперь мы точно знаем, чего ждать – или, вернее, чего не ждать друг от друга, – прорычал Оливер и, с силой распахнув дверь, пошел прочь.

Кейт направилась вслед за ним и остановилась за его спиной в коридоре, чувствуя, что не готова вот так просто дать ему уйти.

– Что я сделала, что ты подумал обо мне такое? – требовательно спросила она. – Ты же знаешь меня лучше, чем кто-либо другой.

– Знаю тебя? – На долю секунды его глаза наполнились болью. – Да, думал, что знаю. Но больше я в этом не уверен. – И он закрыл за собой дверь своего номера.

Кейт с трудом сглотнула и уже собиралась вернуться обратно в свою комнату, но вдруг обнаружила, что дверь захлопнулась, а ключ остался внутри. Она была заперта на лестнице в одних чулках, и единственным способом попасть внутрь было спуститься вниз на ресепшен и попросить еще один ключ.

– О черт! – пробормотала она и, глотая слезы гнева и унижения, начала медленно спускаться вниз.

Первый семинар был посвящен рентгеноскопии. Это была очень важная и серьезная тема, но все эти бесконечные статистики вероятности обнаружения опухоли, врачебных ошибок и рецидивов были настолько скучны, что Кейт никак не удавалось на них сконцентрироваться.

На завтраке Оливера она не заметила. Хотя, скорее всего, это произошло потому, что всю ночь она беспокойно ворочалась в кровати и уснула только под утро, проспала и спустилась вниз, когда завтрак уже подходил к концу.

Она выпила чашку кофе, съела немного овсянки и чувствовала себя так, будто в глаза ей насыпали песка.

Семинар закончился, и она направилась к бару, чтобы выпить кофе. «Он поможет мне взбодриться», – подумала она. А если очень повезет, то можно будет отойти куда-нибудь в тихий угол и спокойно выпить его там.

Но ей не повезло. Взяв чашку и развернувшись, она нос к носу столкнулась с Грэхемом.

– Доброе утро. Интересно было, да? – Он протянул руку к вазочке с печеньем.

– Признаться, я не очень внимательно слушала... – Кейт лихорадочно соображала, как бы улизнуть. Конечно, он действительно был очень мил, но все, чего ей сейчас хотелось, – это остаться в одиночестве.

Ее шанс на спасение появился абсолютно неожиданно – в образе Оливера. Он быстрым шагом подошел к ним и, не удостоив Грэхема взглядом, обратился к ней:

– Можно тебя на пару слов?

Она повернулась к Грэхему, словно извиняясь, но тот только улыбнулся:

– Ничего страшного. Я как раз заметил одного человека, с которым давно хотел поговорить.

Грэхем легко прикоснулся к локтю Кейт, будто подбадривая ее, и она снова взглянула на Оливера.

– Чего тебе? – довольно невежливо поинтересовалась она.

Говоря откровенно, ей вовсе не казалось, что после того, как он вел себя ночью, он заслуживает вежливости с ее стороны. Но, судя по всему, его совершенно не покорила ее грубость. Он выглядел немного смущенным.

– Это насчет прошлой ночи.

– Твое поведение было абсолютно ничем не обосновано.

– Это вполне в моем духе, верно? – Уголок его губ приподнялся в легкой улыбке. Потом улыбка исчезла так же неожиданно, как и появилась, и некоторое время Оливер с преувеличенным интересом изучал чашку, которую держал в руках. – Мне правда очень жаль, – сказал он в конце концов. – Сам не знаю, что на меня нашло. Все, что я могу сказать, – это то, что я вообще ничего не соображал с того момента, как впервые увидел тебя в твоем номере сразу после приезда. Но я действительно не думаю, что за пять лет ты изменилась настолько, чтобы вести себя так, как я сказал вчера. Поверить не могу, что у меня вообще язык повернулся сказать такое... И еще одно. Ты права, мы должны стать друзьями. Мы всегда ими были. И все еще можем снова ими стать, если бы только ты дала мне второй шанс...

Кейт хотела ответить, но что-то огромное застряло в горле, мешая говорить, и его лицо почему-то начало расплываться у нее перед глазами.

– Черт, Кэти... – пробормотал он и, взяв ее под локоть, повел прочь от толпы к тому самому дивану перед камином, на котором они сидели вчера вечером.

– Я в порядке, – сказала она, смагивая глупые слезы. – Извинения приняты.

– На самом деле я хотел извиниться еще ночью, но ты не открывала дверь.

Кейт жалко улыбнулась ему:

– Думаю, меня просто не было в номере. Я захлопнула за собой дверь, когда пошла за тобой, и забыла ключ внутри – ненавижу такие двери. Мне пришлось спуститься вниз за запасным ключом.

– Да, это бы все объяснило. Я хотел зайти к тебе утром, сразу после завтрака, но услышал, как льется вода в душе, и не решился постучать. Слишком хорошо помню, как я повел себя в такой ситуации в прошлый раз.

Теплая волна прокатилась по ее телу, и она, издав неопределенный звук, сосредоточилась на своем кофе.

Оливер откинулся на спинку дивана, положив ногу на ногу, и поставил чашку на подлокотник:

– Что думаешь об утреннем семинаре?

– Было вполне интересно.

– Шутишь? Я чуть не умер от скуки! Ненавижу статистику.

Кейт фыркнула и посмотрела ему в глаза:

– Я тоже. Тем не менее, по всей видимости, это была крайне важная информация. Теперь я даже жалею, что была так рассеянна. Кстати, что по плану после кофе?

– Лекция о преимуществах и недостатках разных видов контрацепции. Семинар после лекции обещает быть интересным. Думаю, мы обсудим эту проблему со всех сторон, в том числе и с нравственной. На прошлой неделе ко мне на прием пришла четырнадцатилетняя девочка и попросила дать ей abortивную таблетку. Она приходит уже третий раз, так что я начинаю задумываться, не поставить ли в известность ее родителей.

– Непростая ситуация.

– Да уж. Не хочу предавать ее доверие, но, с другой стороны, не хочу, чтобы она чересчур полагалась на этот способ предохранения. Жена брата, Джули, – живое тому доказательство. Она беременна уже в пятый раз.

Какая ирония судьбы! Кейт не смогла удержаться от того, чтобы заметить:

– Боже праведный! Когда я еще общалась с ними, у них было всего двое.

– Они не теряли времени даром. Она должна родить примерно через пять недель. Сейчас они, конечно, счастливы, но я уже сто раз говорил Стивену, что ему пора перестать вести себя как подростку. И вот теперь я сам, – он понизил голос, – поступил точно так же. Ни на минуту не задумался о контрацепции.

– Не совсем так же, я же не забеременею. – Кейт едва заметно поморщилась от боли. – Так, значит, до ланча – лекция о контрацепции, ну а после?..

– Дородовое наблюдение, потом перерыв на чай, затем роль гормонозаместительной терапии в период менопаузы и синдром истощения яичников.

Ее чашка со звоном опустилась на блюдце, и она быстро отставила его в сторону.

– Да, информации будет немало, – легко заметила она и спросила себя, почему ей не пришло в голову заранее подробно изучить план конференции, а лучше вообще поехать куда-нибудь еще, чтобы пройти обязательную практику.

Конечно же знания, полученные в ходе этой конференции, были бесценны для нее как для врача, поэтому она и выбрала именно ее. Поскольку она собиралась работать терапевтом, ей предстояло иметь дело в том числе и с женщинами. И она всегда знала, что когда-нибудь ей придется столкнуться с этим. Но сейчас, сидя рядом с Оливером, она понимала, как тяжело ей будет пройти через все это.

Все было бы гораздо проще, если бы она по-прежнему чувствовала себя одинокой и независимой женщиной. Она бы справилась.

Но теперь... Теперь эта тема стала слишком личной, интимной, и она не знала, как сделать так, чтобы, сидя на этом семинаре рядом с Оливером, не дать ему повода заподозрить неладное. А допустить это было ни в коем случае нельзя.

Дело не в том, что она не могла иметь детей. Конечно, если бы они у нее были, она бы любила их, но она могла спокойно прожить и без этого. А Оливер всегда твердил ей, как ему хочется иметь настоящую семью.

Он стал бы замечательным отцом, в этом она не могла ему отказать. И для нее не было бы ничего хуже, чем позволить ему жениться на ней и потом наблюдать, как ее бесплодие убивает его день ото дня.

И в конце концов это действительно убило бы его. Когда Кейт поставили диагноз «синдром истощения яичников», она долго собиралась с духом, чтобы сообщить ему об этом. Но до того, как это произошло, он вернулся с практики и рассказал ей о двадцатипятилетней женщине, которой поставили тот же страшный диагноз.

– Ты можешь себе это представить? Ей всего двадцать пять, Кэти, а она уже постоянно выглядит усталой и изможденной. У нее никогда не будет детей, и она быстро состарится. А хуже всего то, что она до сих пор одна. Она не нашла того мужчину, с которым хотела бы прожить всю жизнь, а когда она найдет его, ей нечего будет ему предложить. Это так страшно. Жизнь порой бывает действительно жестока. Бедная женщина, кому она теперь нужна?

Действительно – кому? Точно не ему. Кейт отчетливо помнила жалость в его голосе, выражение его лица. С трудом пережив те выходные, в понедельник с утра она позвонила на работу и сказалась больной, а потом собрала вещи и уехала к бабушке.

Единственным человеком, которому она рассказала о случившемся, была ее мама, которая на протяжении следующих пяти лет отвечала на вопросы Оливера, возвращала ему все его письма и защищала свою дочь с самоотверженностью львицы.

– День обещает быть интересным, – заметил Оливер.

Несколько секунд Кейт смотрела на него невидящим взглядом, затем моргнула и вернулась в реальность.

– Посмотрим, – сказала она. – Я немного устала, плохо спала ночью. Терпеть не могу эти гостиничные кровати.

На секунду ей показалось, что он собирается что-то сказать, но затем он просто улыбнулся и кивнул, снова возвращаясь к кофе.

Что-то тут не так.

Оливер не мог понять, что именно, но Кейт была какой-то... изможденной. Он не ожидал, что она будет выглядеть такой уставшей. Смерть бабушки, видимо, отняла у нее все душевные силы, и, зная Кейт, вполне можно было предположить, что она провела с ней каждую секунду до самой ее смерти.

Это наверняка было очень изматывающе – как физически, так и эмоционально, и может быть, именно из-за этого ему и показалось, что что-то не так.

Да. Из-за этого и еще из-за их случайной встречи. Это само по себе уже стало для нее большим шоком, и он не особенно облегчил ее участь, вначале практически набросившись на нее, а затем вывалив на ее голову кучу нелестных эпитетов прошлой ночью.

Оливер тихо вздохнул и поставил чашку:

– Пора идти и с головой окунуться в проблему контрацепции. Готова?

Кейт улыбнулась и встала. Ее глаза блестели чуть больше обычного.

– Если ты готов, то и я готова.

Оливер был прав. После лекции по контрацепции завязалась оживленная дискуссия, которая продолжилась и во время ланча, избавив Кейт от необходимости подыскивать новую тему для разговора.

К ней подошел Грэхем, обеспокоенно глядя на нее:

– С вами все в порядке?

– В полном, – солгала она, пытаясь улыбнуться. – Не волнуйтесь обо мне, пожалуйста.

– Что ж, если вам понадобится помощь, я буду рядом.

Она поблагодарила его, чувствуя на себе взгляд Оливера, и, извинившись, направилась к нему.

– Все хорошо? – ненавязчиво поинтересовался он.

– Разве похоже, чтобы я была на грани истерики? – в тон ему ответила она и улыбнулась. – Грэхем только что спросил меня о том же самом.

Ответная улыбка Оливера показалась ей несколько напряженной.

– Видимо, ты вызываешь во всех своих мужчинах желание защитить тебя.

Кейт рассмеялась:

– Во всех моих мужчинах? Мы что, опять об этом?

На этот раз его улыбка получилась смущенной.

– Прости. Я не хотел, чтобы это так прозвучало. Ты поела? Если да, то, думаю, можно допить наш кофе.

– Неплохая мысль, – ответила Кейт, и, взяв свои чашки, они присоединились к обсуждению очередной интересной темы.

Точнее, она решила дожидаться, когда тема разговора увлечет Оливера – а она была уверена, что это случится, – а сама отошла в сторону.

В этой ситуации имелось два плюса. Первым было то, что ей не приходилось выдавливать из себя заумные фразы – это и так было сложно, а если еще и учесть, что ночью она почти не спала, это начинало казаться абсолютно неосуществимым. Ну а вторым плюсом было то, что так она могла незаметно для окружающих наблюдать за Оливером.

«Он как будто говорит всем телом», – улыбнулась она про себя. Дважды кофе едва не выплеснулся из его чашки, а лицо его приобрело одухотворенное выражение. Оливер полностью погрузился в разговор – так же как погружался всегда и во все, что делал; и наблюдая за ним теперь, она чувствовала, как влюбляется в него заново.

Не то чтобы Кейт вообще когда-либо переставала любить его – нет, скорее, убеждала себя в этом, чтобы окончательно не сойти с ума. И тот мужчина, в которого она влюбилась восемь лет назад и который стоял перед ней теперь, мог сильно измениться за это время.

Но он совсем не изменился. Напротив, только еще больше стал самим собой. Стал еще более энергичным, напористым, остроумным; а черты его лица стали еще привлекательнее – если это вообще было возможно.

Кейт смотрела на то, как двигаются его губы, и невольно вспоминала прикосновение этих губ прошлой ночью. Вспомнила, какими мягкими и нежными и одновременно настойчивыми были эти губы. И было так просто прикоснуться к ним еще раз...

Усилием воли она заставила себя снова включиться в разговор. Спор тем временем разгорелся не на шутку, и один из его участников, которого она уже мысленно окрестила ханжой, не терпящим возражений тоном заявил:

– Это лишено всякого смысла. Люди должны уметь себя контролировать.

Глаза Оливера опасно заблестели.

– Да бросьте! Разве вам не доводилось испытывать такое дикое и нестерпимое желание, которое невозможно сдержать никакими силами?

Ханжа оскорбленно поджал губы.

– Нет, не приходилось, – коротко ответил он, и Оливер улыбнулся.

Кейт узнала эту улыбку и похолодела. От этой улыбки веяло опасностью.

– В таком случае, – вкрадчиво начал он, – я вам искренне сочувствую. Да и откуда вам знать, что это такое... Вы же никогда не были женаты на моей супруге.

Оливер послал Кейт улыбку и, не обращая внимания на ее потрясенное и возмущенное лицо, быстро прижался губами к ее губам. Не думая о том, что делает, она укусила его – несильно, но ощутимо, так что он отшатнулся и глаза его расширились. Затем он снова ухмыльнулся, как бы невзначай обнимая ее за плечи и уводя в сторону, подальше от насмешливого фырканья, раздавшегося за их спинами.

– Как грубо, – буркнул он.

– Не хуже, чем то, что ты сейчас выкинул. И ходишь теперь надутый, как петух.

– Кукареку, – пропел он ей на ухо.

Как, черт возьми, у него получается даже этот дурацкий звук издавать настолько соблазнительно? Она кинула на него быстрый взгляд:

– Не стоило этого делать.

– Ерунда. Я же не мог дать этому идиоту так легко отделаться. Самодовольный осел... Надо же было хоть как-то сбить с него спесь.

– Ты не имел права использовать меня для этой цели, – сердито сказала Кейт, но он только отмахнулся:

– Расслабься. Он просто тупица.

– Видимо, у него не все в порядке с половой хромосомой, – поддела она его и изумилась тому, что еще несколько минут назад думала, что по-прежнему его любит.

И тут он улыбнулся ей той самой, извиняющейся и одновременно диковатой улыбкой, и она снова почувствовала, что тает.

– Прости меня, – произнес он тоном, в котором не было ни капли раскаяния, и она усмехнулась:

– Ты этого не заслуживаешь.

Краем глаза она заметила, что люди начали постепенно расходиться, и поняла, что приближалась следующая лекция.

– Пора идти. Что у нас сейчас?

– Дородовое наблюдение, – сказал он, и она кивнула:

– Ну да. Я забыла. – Это не было правдой, но ему совершенно необязательно было знать о том, что каждая секунда, приближавшая момент начала той самой лекции, была для нее пыткой.

Единственное, в чем она не была уверена, так это в том, что вызовет в нем больше подозрений – если она уйдет с лекции или все же останется на ней, но при этом будет сидеть как на иголках? Она была совершенно не уверена, что ей удастся спрятать свои эмоции как от Оливера, так и от всех остальных.

Решив приступить к осуществлению плана побега, Кейт громко зевнула, и он бросил на нее озабоченный взгляд:

– Ты действительно выглядишь очень уставшей.

– Я знаю.

– А я мог бы помочь тебе расслабиться...

Кейт фыркнула и направилась к двери, не уделив внимания его двусмысленной фразе.

– С этим я справлюсь и без твоей помощи, – бросила она через плечо, оглядываясь в поисках свободного места.

– Я же просто предложил, – нарочито возмущенно произнес он и опустил на стул рядом с ней.

Оливер снова был слишком близко – и, скорее всего, он специально придвинулся к ней вплотную, – и она подумала, что не поймет ни слова из того, что будет сказано лектором. Она немного отодвинулась в сторону вместе со стулом и, приказав себе сосредоточиться, начала с таким рвением конспектировать материалы лекции по дородовому наблюдению, как будто от этого зависела ее жизнь.

– Синдром истощения яичников – гораздо более распространенное заболевание, чем вы можете себе представить.

«Да что вы говорите», – подумала Кейт. Она твердо решила держаться до конца и все-таки пришла на эту лекцию, но теперь горько пожалела об этом. Стараясь не терять лицо, она сосредоточилась на своем конспекте. Эти записи никогда бы ей негодились, но так ей

удавалось постоянно занимать мысли чем-то посторонним и держать голову низко склоненной, чтобы никто не мог видеть ее лица.

– Не стоит недооценивать влияние поставленного диагноза на дальнейшую жизнь женщины и всей ее семьи, – сказал лектор, и, если бы это не было так до боли знакомо, Кейт, наверное, громко рассмеялась бы. – И не забывайте о том, что этот диагноз означает не только бесплодие. Существует масса причин, по которым женские яичники отказывают раньше времени, провоцируя преждевременное наступление менопаузы, и основной целью врача является борьба именно с этими первопричинами.

Он зачитал список болезней, которые могли способствовать развитию синдрома истощения яичников, и продолжил развивать тему, заговорив о проблемах, с которыми может столкнуться женщина с СИЯ: остеопороз, заболевания сердца, рак толстой кишки, болезнь Альцгеймера, болезнь Паркинсона, диабет – список был весьма обширным и до ужаса знакомым Кейт. Лектор уточнил, что, безусловно, чем раньше развивается данное заболевание, тем выше риск для здоровья женщины. Тогда ей было двадцать пять, и ей по-прежнему приходилось принимать эстроген – больше для того, чтобы сохранить чувство собственного достоинства и самоуважения, чем собственно для поддержания здоровья.

Позади нее Оливер слегка передвинулся на стуле, и ее затопила волна запоздалого сожаления. Он был таким невозможно мужественным, что рядом с ним просыпалась вся ее женственность, но... эта женственность была лишь видимостью. Она была как пустая раковина – бесполезная и никому не нужная. «Опять ты жалеешь себя», – с отвращением подумала она и постаралась снова переключить свое внимание на лектора.

– С помощью розданных вам брошюр вы можете ознакомиться со списком симптомов, многие из которых вполне нормальны для женщины в период менопаузы, однако некоторые не могут не вызвать у вас подозрения. Это, к примеру, передающиеся по наследству проблемы с гипофизом, глухота, аутоиммунные нарушения и тому подобное. Пациентке необходимо вести дневник, чтобы отмечать все, даже самые незначительные проблемы со здоровьем, в том числе кровотечения, усталость, неустойчивость температуры, проблемы со сном и прочие нетипичные вещи. Необходимо провести тест на беременность, проверить щитовидную железу и гипофиз и обратить особое внимание на аутоиммунные нарушения. Тем не менее наиболее точным признаком болезни является уровень фолликулостимулирующего гормона. Если он значительно выше нормы, это практически точный показатель синдрома истощения яичников.

«Именно, – подумала Кейт. – Это как раз про меня. Господи, я могла бы повторить всю эту лекцию с закрытыми глазами. Зачем я здесь? Зачем я пришла сюда?»

Но лектор начал говорить о гормонозаместительной терапии, причем не только о ее минусах, но и о плюсах, провел обзор существующих по этому вопросу мнений и внес несколько полезных предложений, так что ее время не было потрачено впустую. «Он скоро закончит, он скоро закончит», – повторяла она про себя.

Все, что ей оставалось, – это сидеть и ждать, когда все, наконец, прекратится.

Нахмурившись, Оливер наблюдал за тем, как Кейт, склонившись над столом, делала свои бесконечные пометки, хотя все то, что она записывала, можно было найти и в брошюре. Может, она просто не заглядывала в книжку или слишком мало знала об этой болезни, поэтому и не отрывалась от бумаг ни на секунду?.. Странно. Ни на одной другой лекции она ничего не писала.

Ладно, не важно. Он мысленно пожал плечами и потянулся на стуле, начиная раздумывать о том, как провести вечер после окончания лекции. Если на улице еще не совсем стемнело, можно прогуляться. Скорее всего, именно так он и поступит. Улицы вокруг отеля были прекрасно освещены, и он мог бы пройтись до самого побережья. Может быть, и Кейт пожелает присоединиться к нему.

А может, ему нужно было побыть какое-то время в одиночестве, чтобы привести мысли в порядок. Увидев ее вновь после стольких лет разлуки, он уже не мог прогнать воспоминания об их совместной жизни – как хорошие, так и плохие. Хотя плохих было явно больше. Все эти воспоминания нужно было тщательно перебрать в мыслях и снова задвинуть подальше, смирившись с мыслью, что она вновь исчезнет из его жизни всего через несколько коротких часов.

В голове вертелась до ужаса заманчивая мысль: попробовать уговорить ее провести с ним эту ночь. Но ему это показалось нечестным. Он был абсолютно уверен в том, что если бы он как следует постарался, то ему бы это удалось, и все-таки он не хотел, чтобы это случилось.

«Какой же ты врун! Конечно, ты этого хочешь», – издевательски протянул внутренний голос, но он отрицательно покачал головой. Да, он действительно хотел ее, но при этом знал, что ни за что не пойдет на такое. Ему нужно было быть уверенным в том, что она тоже хочет его – так же сильно, как и он ее, а этой уверенности не было.

Лекция подошла к концу, и он, бросив взгляд на Кейт, успел заметить гримасу боли на ее лице до того, как она поспешно отвернулась. Ей было больно оттого, что она тоже не хотела так скоро расставаться с ним? Но в таком случае...

– Пожалуй, пойду наверх, отдохну, – сказала она, поднимаясь и начиная складывать вещи в сумку.

Оливер хотел было проводить ее, но в этот момент его отвлек один старый знакомый, а когда тот ушел, Кейт уже нигде не было видно. В сущности, ей удавалось избегать его общества весь вечер, демонстративно ужиная в обществе того самого милого Грэхема, отчего Оливеру оставалось только бессильно скрипеть зубами.

Он должен был раньше догадаться, чем была вызвана боль на ее лице. Видимо, Кейт просто устала или вспоминала свою покойную бабушку и поэтому была так печальна. Оливер мог ее понять: временами в его голове всплывали мысли об отце, и тогда горечь потери наваливалась на него всей тяжестью, так что становилось трудно дышать.

Как он и предполагал, ее настроение не было никоим образом связано с ним, Оливером. Убеждая себя в этом, он лишь жестоко обманывал себя. Ей не просто было комфортнее вдали от него – скорее всего, она вообще с нетерпением ждала момента, когда они, наконец, расстанутся вновь, уже навсегда.

Он размазал еду по тарелке, пообщался с соседями по столу, выпил немного больше вина, чем следовало, и отправился спать.

* * *

На завтрак Кейт спустилась рано. Прошлым вечером, покидая ресторан, она видела, что Оливер оживленно беседовал о чем-то с людьми, выглядевшими сильно нетрезвыми, и ожидала, что с утра он встанет поздно.

Но она ошиблась. Он был уже здесь, бодрый и свежий, явно только что после душа. Волосы были еще влажными, а стоявшая перед ним тарелка была заполнена до отказа. Кейт никогда не видела, чтобы на одной тарелке помещалось столько еды.

Завидев ее, Оливер улыбнулся:

– Присоединяйся.

– И смотреть, как ты все это поглощаешь? – подняла она бровь, но тем не менее под села к нему – во-первых, потому, что терпеть не могла есть в одиночестве, а во-вторых, каким бы милым ни был Грэхем, он уже успел немного ей надоесть. – Ты свеж и бодр до отвращения.

Он рассмеялся:

– Нет ничего лучше сытного завтрака после тяжелой ночи, верно? – Оливер подцепил на вилку гриб и с наслаждением отправил его в рот.

Ее желудок противно сжался, и, когда официант приблизился к их столику, она заказала свой обычный завтрак.

– Овсянка и тост? – с отвращением произнес Оливер. – Ты так от голода умрешь.

– Это не так уж плохо, как кажется на первый взгляд, – отрезала она и занялась завтраком. – Так, что у нас на сегодня намечено?

– Женские консультации, тонкости акушерства и послеродовые осложнения.

Кейт с трудом подавила вздох облегчения. С этим она вполне сможет справиться. Даже акушерство, которое поначалу показалось ей довольно тяжелой темой, в конце концов, было всего лишь просто интересной частью ее работы. Окончательно расслабившись, она покончила с завтраком, послала Грэхему улыбку и с чашкой кофе в руке откинулась на спинку кресла.

Оливер наконец отложил вилку и нож и поднял на нее внимательный взгляд:

– Ну а чем ты собираешься заняться после того, как конференция закончится?

Кейт пожала плечами:

– Не знаю. Думаю, найду другую работу. Я подыскала себе место в Норфолке, но все еще могу вернуться в Восточный Суффолк – туда, где работала раньше. Посмотрим.

Оливер задумчиво покивал:

– Значит, ты будешь где-то поблизости...

– Возможно. Или уеду за границу.

Его глаза резко сузились.

– За границу?..

– Да. Я только что подумала об этом. – Кейт удивилась, почему эта мысль не пришла ей в голову раньше. Ведь можно было просто уехать и забыть о нем. И позаботиться о себе самой. В этом и состоит вся прелесть одиночества – можно быть абсолютной эгоисткой, и никто не упрекнет тебя за это. «Достаточно жалкий способ прожить свою жизнь», – подумала она, но, не желая развивать эту мысль дальше, тряхнула головой и светло улыбнулась. – Пожалуй, пойду подготовлюсь к семинару. Увидимся позже. – Она отодвинула стул и направилась к выходу из ресторана, не замечая задумчивого выражения на его лице.

– Ну, вот и все.

Кейт быстро взглянула на Оливера и тут же отвела взгляд:

– Да. Неплохая конференция. Лично я узнала массу нового.

– Я еще увижу тебя?

Она молчала, не зная, что ответить, и в этот момент в кармане у Оливера зазвонил телефон. Чертыхнувшись, он вытащил его, собираясь тут же сбросить звонок, но на экране высветился домашний номер его брата Стива, который – Оливер точно знал – сейчас был за границей.

– Привет, Джули, – сказал он, внимательно следя за тем, чтобы Кейт не ускользнула, пользуясь тем, что он занят. Но как только его невестка заговорила, он почувствовал легкую дурноту и моментально забыл о Кейт. – Что значит «тебе нехорошо»? Что именно с тобой случилось?

– Голова ужасно болит, – безжизненно прошептала Джули в трубку. – Перед глазами все расплывается. И живот тоже болит. И все лицо оплыло. Мне ужасно плохо...

Уже практически точно зная, что произошло, он тем не менее спросил:

– Какое у тебя было давление, когда ты последний раз была в консультации? – и тяжело вздохнул, услышав ее ответ:

– Не знаю. Не помню... Я не ходила в консультацию, ребенок тогда заболел.

Боковым зрением он заметил, что Кейт явно колеблется, не зная, подойти ли ей к нему. Ее лицо выражало крайнюю сосредоточенность.

– Как часто ты в последнее время ходишь в туалет? – спросил он Джули.

– В туалет? – удивленно переспросила та. – Хм... Не знаю. Может, немного реже, чем всегда. А что?..

– Так. А вес ты, вообще, набираешь?

– Не знаю. Последний раз вроде бы в четверг взвешивалась... Могу взвеситься сейчас.

– Будь так добра. Я подожду. – Он прикрыл трубку ладонью и взглянул на Кейт.

– Предтоксикозное?.. – тихо спросила она.

Он пожал плечами и кивнул:

– Вполне возможно. А Стив в Германии... Джули? Извини, я прослушал...

– Я поправилась на целых два килограмма! Оливер, что со мной?

Он на секунду прикрыл глаза и медленно провел ладонью по лицу:

– Так. Думаю, у тебя предтоксикозное состояние. С тобой все будет хорошо, но нужно как можно скорее обратиться в больницу. Ты звонила своей акушерке?

– Я не могу до нее дозвониться, а поликлиника закрыта, и врача нет уже третий час... Мне так плохо, Оливер... Я не знаю, что мне делать...

– Не волнуйся, я сейчас приеду. Все будет хорошо. А теперь слушай, что ты должна сделать. Сначала ляг на левый бок, потом позвони соседке и попроси ее прийти и присмотреть за детьми. Пока она будет до тебя добираться, собери всех детей в одной комнате, чтобы ты могла за ними присматривать. И сразу же позвони в скорую. Скажи, что ты описала мне свои симптомы и что у тебя, возможно, предтоксикозное состояние. Если скорая приедет раньше меня, уезжай. Оставь детей с соседкой, я за ними присмотрю. Если она не сможет тебе помочь, возьми их с собой в больницу, я приеду и заберу их.

– Мне что, придется лечь в больницу?

– Да, – твердо сказал он, – придется. И еще, Джули...

– Да? – испуганно отозвалась она.

– Не волнуйся. Обещаю, с тобой все будет хорошо.

– А Стив...

– Я свяжусь с ним. Просто ложись и звони, хорошо?

Оливер еще раз заверил ее, что все будет в порядке, положил трубку и откинул голову назад, слепо глядя в потолок. Нужно было ехать. Но если Стив не сможет приехать сегодня, то ему придется остаться, чтобы присмотреть за детьми. Мама в одиночку с ними не справится.

– Я могу чем-нибудь помочь?

Секунду он смотрел на Кейт, словно не видя ее, а потом, поддавшись порыву, на одном дыхании выговорил:

– Ты правда хочешь помочь или просто из вежливости предлагаешь?.. Стив в Германии, кому-то нужно присмотреть за четырьмя детьми, и мама с этим не справится. А мне завтра нужно провести две операции и съездить в женскую консультацию. Сможешь выручить меня, пока Стив не приедет? Ты говорила, что все еще числишься в той клинике, – можешь подменить меня на пару дней? Я улажу этот вопрос с Питером.

Кейт не сомневалась ни секунды.

– Конечно, подменю. А ты поезжай к ней.

– Тебе понадобятся ключи от моего дома и от клиники, – сказал Оливер, вынимая из кармана связку ключей и отделяя от нее ключ от машины. – Дай мне свой номер. – Он записал ее номер в свой телефон, затем убрал его в карман и подхватил свою сумку. – Мой номер в кухне, на доске для записок. Если что-нибудь понадобится, звони.

– Где ты живешь? – спросила Кейт, и он мысленно дал самому себе подзатыльник. Конечно же она не знала его адреса, но сейчас у него не было времени на то, чтобы переживать по этому поводу. Скоро она все равно все узнает.

– Пройдешь мимо клиники, поднимешься вверх и повернешь налево. Третий дом по правой стороне – ты его узнаешь. Я позвоню. – После секундного колебания он наклонился и припал к ее губам в быстром, крепком поцелуе. – Спасибо тебе. Ты просто чудо.

Оливер кинул сумку в машину, завел мотор и вырулил на шоссе, направляясь на запад – в сторону Алдебурга. Со Стивом он связался сразу же, а потом ему позвонили из скорой помощи, и он, изменив направление, поехал в больницу.

Только на полпути он вспомнил, что забыл предупредить Кейт о собаках.

Глава 3

Кейт не была в Гиппингхэме пять лет и сейчас чувствовала себя так, словно вернулась домой. В этот угрюмый декабрьский вечер свет из окон падал на тротуар так, что он блестел, словно золото, и выглядел как-то... гостеприимно, что ли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.